

УДК 93/94+930.85

О. В. Розина

<https://orcid.org/0000-0002-7664-0640>

Шаргород на перекрестке этнокультурных традиций (XVI – начало XX вв.)

Для цитирования: Розина О. В. Шаргород на перекрестке этнокультурных традиций (XVI – начало XX вв.) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 215–225. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-215-225

Культурное и историческое прошлое являются фундаментом региональной идентичности, самобытности этноса и источником самосознания личности. Но культура существует не только во времени, но в пространстве, поэтому выявление и исследование культурной самобытности региона – одна из задач регионалистики, как междисциплинарной науки, опирающееся на историко-культурное наследие. Актуализация проблематики региональной идентичности связана с двумя обстоятельствами: политическими процессами, проходящими на постсоветском пространстве, и информационной войной по искажению наших общих культурных достижений в историческом процессе совместного развития. Особенно наглядно этот тренд реализуется на Украине, что обусловило выбор объектом исследования этнокультурные традиции Шаргорода – города в Подолье, который отличается гетерогенной конфессиональной структурой, обусловившей его культурное своеобразие. В историческом прошлом города неразрывно переплелись религиозно-культурные традиции иудаизма, католичества, православия и униатства, наложившие отпечаток на архитектуру города и быт жителей. Автор полагает, что культурная самобытность связана с двумя обстоятельствами: религиозной традицией, формирующей уклад жизни и являющейся стержнем ментальности, и внешними по отношению к ней событиями. Таковыми в данном регионе являлись войны и внутренняя политика власти по отношению к разно-этническому и разно-конфессиональному населению. Поэтому в статье дается краткий обзор исторических событий, обусловивших этнокультурное своеобразие Шаргорода, и рассматриваются иудейская, католическая и православная традиции в создании его социокультурного облика в различные исторические периоды. Обращается внимание на планировку города, его архитектурно-сакральные доминанты, ментальность и быт жителей, а также эволюцию роли каждой из исследуемых традиций. Автор делает вывод об их влияние на культурный облик города и его своеобразие, локализацию и слабое взаимопроникновение, что на фоне формирования националистических идей начала XX в. таило угрозу разрушения единого культурно-исторического пространства.

Ключевые слова: Шаргород, Подолье, Речь Посполитая, Российская империя, культурный регионализм, культурная самобытность, гетерогенная конфессиональная структура, этнокультурные традиции, еврейское местечко, польский сарматизм, униатство, православная культура.

O. V. Rosina

Shargorod at the crossroads of ethnocultural traditions (XVI – early XX centuries)

The cultural and historical past is the foundation of regional identity, ethnic identity and a source of personal identity. But culture exists not only in time, but also in space, therefore, the identification and study of the regional cultural identity is one of the tasks of regional studies, as an interdisciplinary science based on the historical and cultural heritage. The actualization of the problem of regional identity is associated with two factors: the political processes taking place in the post-Soviet space, and the information war which aims to distort our common cultural achievements in the historical process of joint development. This trend is especially evident in Ukraine, so it has determined the choice of ethnocultural traditions of Shargorod as the object of the research; this city in Podolia is distinguished by a heterogeneous confessional structure, which has determined its cultural identity. In the historical past of the city, the religious and cultural traditions of Judaism, Catholicism, Orthodoxy and Uniatism are inextricably intertwined, leaving a mark on the architecture of the city and the life of its inhabitants. The author believes that cultural identity is related to two factors: the religious tradition, which forms the way of life and is the core of the mentality, and the events external to it. In this region, such events were the wars and the home policy of the authorities in relation to the multi-ethnic and multi-confessional population. Therefore, the article provides a brief overview of the historical events that determined the ethnocultural originality of Shargorod, and examines the Jewish, Catholic and Orthodox traditions in creating its socio-cultural image in different historical periods. Attention is paid to the city's layout, its architectural and sacral dominants, the mentality and way of life of its inhabitants, as well as the evolution of the role each tradition under study plays. The author makes a conclusion about their influence on the cultural image of the city and its originality,

localization and weak interpenetration, which during the formation of nationalist ideas in the early XXth century threatened to destroy the unified cultural and historical space.

Key words: Shargorod, Podolia, Rzeczpospolita, Russian Empire, cultural regionalism, cultural identity, heterogeneous confessional structure, Jewish shtetl, Polish Sarmatism, ethnocultural traditions, Uniatism, Orthodox culture.

Введение

Одним из актуальных направлений современных исследований является регионалистика. Начало исследованиям было положено еще в 70-е гг. XX в. американским ученым У. Айзардом, занимавшимся анализом эколого-экономических проблем регионов [Isard, 1972]. Как полагает В. Н. Стрелецкий, «регионализм это, в первую очередь, культурный феномен», при этом «культурная самобытность территории, в пределах которой сложилось местное сообщество людей с особыми интересами, системами ценностей и типом ментальности, может в разной степени осознаваться самими представителями данной общности» [Стрелецкий, 2012, с. 11].

На наш взгляд, культурная самобытность связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, с религиозной традицией жителей региона, что составляет внутреннюю стреленю ментальности. Во-вторых, с целым рядом внешних обстоятельств их жизни: участие в войнах, проходивших на территории; отношение с соседями, особенно с более сильными, а также внутренняя политика власти по отношению к разноконфессиональному населению территории. Если религиозные традиции формируют уклад жизни, то внешние обстоятельства обуславливают особенности его проявления и существования.

На внутристрановом уровне изучаемые регионы представляют собой, как отмечает Стрелецкий, «единство в разнообразии... Поскольку единство региона при этом мыслится именно как общность людей, при таком исследовательском подходе просто невозможно обойтись без учета фактора исторического наследия» [Стрелецкий, 2007, с. 4]. В исследовательской литературе отмечается интерес к вернакулярным районам [Казакова, 2016] и региональной идентичности [Мурзина, 2003]. Как заметила Н. А. Лавочкина, «конструирование региональной идентичности чаще всего основано на особой региональной истории, мифах и традициях, таких составляющих культуры как литература, музыка, изобразительное искусство, известных деятелях искусства, проживавших и проживающих на террито-

рии данного региона» [Лавочкина, 2016, с. 451]. На рубеже XX–XXI вв. проблема региональной идентичности приобрела особую актуальность в связи политическими процессами, проходящими на территории бывшего СССР. Вместе с тем, как заметил, немецкий социолог Х.-Г. Веллинг, «местечковое-земляческое-региональное-национальное самосознание образуют как бы разные пространственные «концентры» единой культурной идентичности [Regionale politische..., 1985, p.11]. Региональная идентичность рассматривается исследователями как первый фактор культурного регионализма.

Вторым «важнейшим индикатором» является «этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность или гетерогенность регионального (местного) сообщества» [Стрелецкий, 2012, с. 13]. Она всегда связана с конфессиональной структурой общества, от гомогенности или гетерогенности которого зависит сплоченность или, наоборот, разрозненность населения, что отражается в культурном своеобразии региона. В этой связи обращение к многонациональному и поликонфессиональному региону Восточного Подолья, где расположен Шаргород и исторически переплелись религиозно-культурные традиции – иудаизм, католичество, православие и униатство, представляется важной исследовательской задачей. Ее актуализация связана с мифологизацией на постсоветском пространстве общей истории в условиях современной информационной войны цивилизационных противников [например: Безнюк, 2014; Багдасарян, 2016]. Как замечает политолог В. А. Розина, изучая особенности информационных войн, «задачи такой борьбы не в физическом, а в идеологическом уничтожении противников – изменении мировоззрения, дискредитации идеологии и т. д.» [Розина, 2015, с. 80]. Поэтому выявление и изучение типичных черт и особенностей социокультурного облика в отдельно взятом гетерогенном в конфессиональном и культурном плане регионе на примере Шаргорода, как города в Восточном Подолье, является актуальной задачей противодействия национальной ксенофобии и медиаискажениям отечественной истории.

Методы исследования

В данном исследовании были использованы как общенаучные методы (анализ и синтез информации, индукция и т. п.), так и специальные методы – идеографический, историко-генетический, культурно-исторический, ретроспективный и реконструктивный. В совокупности они дают возможность проследить изучаемое явление в его исторической последовательности, выявить его типичные черты и особенности в данный период.

Результаты исследования

Исторические предпосылки этнокультурного многообразия Шаргорода

Шаргород – город в современной Винницкой области Украины с райцентром в Жмеринке – крупном железнодорожном узле. Через город протекает небольшая речка Мурашка, впадающая в речку Колбасную. Это территория Подольской возвышенности между средним течением Днестра и Южным Бугом, входившая в состав Галицко-Волынского княжества, называемая в летописях «Понизье» и «Низовье», в более позднее время – Подолье. В 1383 г. литовский князь Витовт основал на излучине двух рек поселение Княжья Лук, которое впоследствии вошло в Карчмаровскую волость. Территория волости находилась под властью литовских князей Корьятовичей (из династии Гедиминовичей). Но в конце 60-х гг. XIV в. они стали вассалами польского короля Казимира III Великого. После Радомской конституции 1505 г., сильно ограничившей королевскую власть, польские магнаты стали получать огромные латифундии на малонаселенных автохтонными малороссами территориях Правобережной Украины, где столкнулись геополитические интересы Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества. В. Н. Воловик называет эту территорию узлом культурно-цивилизационного рубежа «Европа-Азия» [Воловик, 2013]. Освоение новых территорий сопровождалось строительством замков и крепостей. Так в 28 мая 1585 г. на землях великого гетмана коронного Яна Замойского (1542–1605) в излучине двух рек стала строиться крепость, названная в честь легендарного покровителя рода Замойских Флориана Шарого Шарым Городком (Шарогрудком, Шаргородом).

С самого начала существования население города было гетерогенным в своем этническом и

конфессиональном составе. Здесь проживали польская шляхта (католики), евреи (иудеи), крестьяне-малороссы (православные и униаты), отличающиеся как по социальному статусу, так и по ментальности и культуре. В 1588 г. король Сигизмунд II даровал Шаргороду Магдебургское право, что освободило его от феодальных повинностей и от власти воевод, а также подчеркивало статус нового города, лежавшего на перекрестке торговых путей. Был создан выборный городской магистрат и дарован герб с изображением св. Флориана.

Город не раз являлся ареной военных столкновений противоборствующих сторон. Так, например, во время восстания казаков под предводительством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой в 1648–1654 гг. В ходе него по Зборовскому договору 1649 г. линия размежевания между казаками и поляками прошла от Винницы к Ямполью в том числе через Шаргород, что привело к изменению управления городом. Казацкая рада назначала сотника, который опирался на сотенного есаула, им помогали писарь и судья. Вмешательство Османской империи в русско-польское противостояние привело к русско-турецкой войне 1672–1681 гг. Пользуясь поддержкой своего вассала гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, султан Мехмет IV объявил войну Речи Посполитой и вторгся в Подолье, где вскоре был взят Ладыжин – в 100 с небольшим км от Шаргорода, затем Каменец-Подольский, и, наконец, Шаргород. Он настолько покориł захватчиков своим месторасположением и обликом, что турки назвали его «Кучук Истамбул» («Маленький Стамбул»). В Подолье турки образовали Подольский эялет, оккупация Шаргорода продолжалась с 1672 по 1699 гг., но по Карловицкому миру 1699 г. город опять перешел под власть Речи Посполитой.

В результате второго раздела Польши между Россией, Габсбургской монархией и Пруссией в 1793 г. Восточное Подолье с Шаргородом вошло в состав Российской империи. На присоединенных польских землях была установлена черта постоянной еврейской оседлости. Так Шаргород оказался за этой чертой, что отложило отпечаток на его культурную самобытность в условиях изначального гетерогенного этнического состава его населения. Только боевые действия на западе России в период Первой мировой войны привели к фактической ликвидации черты оседлости, эмиграции евреев во внутренние губернии и за пределы империи. Де-юре черта

оседлости была упразднена Временным правительством 20 марта (2 апреля) 1917 г. Постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», отменявшим любые ограничения в правах по национальному или религиозному признакам.

Планировка города первоначально ориентировалась на дворец Замойских, как его основателей (он сохранился в полуразрушенном состоянии). Затем центр переместился на рыночную площадь, здание магистрата и ратушу. К началу XVII в. Шаргород имела четыре части, практически сохранившиеся до нашего времени. Старый город располагался на юго-востоке и был защищен стенами замка, земляными укреплениями с деревянным частоколом и рвом с водой. В нем располагалась синагога и еврейский квартал с жилыми домами и торговыми местами. Новый город Шаргорода строился вокруг костела и монастыря на землях церковного прихода. Рядом с городом были два предместья, заселенные малороссийскими земледельцами – за рекой Колбасной село Гибаловка и на правом берегу Мурашки – село Сеньковцы, ставшее со временем Слободой Шаргородской. Оба поселения ныне вошли в городскую черту, но сохранились как отдельные населенные пункты. Такое соседство еврейского, малороссийского и польского населения с различными религиозными традициями являлось характерной чертой многих городов Подолья, наложив отпечаток на его культурную самобытность и уклад жизни.

Культурное своеобразие и исторический облик города были связаны как с евреями, так и с христианами (католиками, униатами и православными), но их влияние на них было различным в разные периоды времени, что зависело, в первую очередь, от внешних обстоятельств.

Шаргород как еврейское местечко Подолья

В течение всего рассматриваемого периода, несмотря на различный статус в Речи Посполитой и Российской империи, еврейская община играла ведущую роль в определении культурной самобытности Шаргорода и региональной идентичности большинства его населения. Первоначально город возник вокруг замка католического магната, но численность его населения росла за счет польских и немецких евреев-эмигрантов, прибывших сюда вслед за поляками. Как известно, Магдебургское право не распространялось на еврейское население, и в 1588 г. Шаргород получил статус местечка с самоуправляющейся авто-

номной общиной. Как указывает Воловик, «под местечком в Подолье понимают торговоремесленный центр, где обслуживается сельское население близлежащих территорий... Местечки имели удобное коммуникационное положение – на перекрестке путей, что способствовало развитию ярмарочной торговли. Их функция – конвергентная, в отличие от дивергентной в сельских этнокультурных ландшафтах» [Воловик, 2013, с.191]. «Обзор Подольской губернии 1892 г.» поясняет: «Каждое местечко, со своим промышленным населением и своими частыми ярмарками и базарами, служит естественным торговым центром, куда для купли и продажи стекается всё окрестное крестьянское население» [Обзор..., 1893, с.105]. В середине XVI в. «возникает понятие местечковой еврейской культуры, а в ландшафтной структуре – понятия «штетла»» [Воловик, 2013, с. 197].

Статус местечка давал еврейским жителям Шаргорода привилегии, которыми они пользовались на польских землях. Как писал польский историк П. Ясеница, Казимир III Великий (1310–1370) в 1364 г. распространил на еврейских жителей всей Польши юрисдикцию польского королевского суда и провозгласил свободу вероисповедания. [Jasienica, 2007, р. 346]. Это обеспечило безопасность евреев в условиях гонений в остальных странах Европы. Поэтому с самого начала заселения Шаргорода его еврейские жители имели преимущества, которым пользовались все польские евреи и которыми не обладали малороссы, будучи коренным населением Подолья, а после Люблинской унии (1569) и вовсе подвергшиеся латинизации и полонизации.

Расположение еврейского квартала под защитой укрепленных стен было характерно для многих местечек Восточного Подолья. Это было связано с тем, что «городские валы защищали замкнутое, «одомашненное» пространство местечка от «открытого» и опасного пространства окружающего мира (леса, дороги, реки). Городские стены были «субботней границей» (эрув), условно объединявшей еврейские дома и кварталы в общее владение, от которого в субботу нельзя было отдаляться более, чем на 2000 локтей (около 1 км). После разрушения городских укреплений роль границы штетла выполняла река» [Воловик, 2013, с. 205].

После получения Шаргородом статуса местечка начинается рост еврейского населения города, и уже в 1589 г. здесь была построена синагога в псевдомавританском стиле, сохранив-

шаяся до наших дней, как сакральный локус еврейского квартала (правда, в ней еще с советских времен располагается цех сокового завода, ныне не работающего). Некоторые фотографии синагоги размещены в альбоме, выпущенном Винницким областным краеведческим музеем [Визначні пам'ятки..., 2011]. Это было не только молитвенное здание с пристройкой хедера (школы для мальчиков), но и фортификационное сооружение с бойницами, глубокими подвалами и подземными ходами, входившая в общую оборонительную систему города [Історія..., 2003; Шнайдер; Воловик, 2013]. «Крепкие стены, гибкий ренессансный аттик с красочными зубчиками и маленькими орнаментальными башнями по углам, прорубленные большие окна придают синагоге самобытный вид», – писал историк Д. В. Малаков [Малаков, 1988, с. 94–95].

Во время Тридцатилетней войны (1618–1648) в Подолье усилилась эмиграция евреев из немецких земель. Это привело к росту еврейского населения Шаргорода: как указано в переписи 1629 г., в Шаргороде насчитывалось 646 «дымов», то есть более 3 тыс. чел. [Архив..., 1890, с. 394–412]. Несмотря на потери в ходе «хмельничины» и турецкой оккупации, перепись 1765 г. насчитывала в еврейской общине города 2219 чел. – на то время это была самая крупная община в Подолье, где по этим же данным проживало 38 356 евреев [Подолія]. По данным землемера, в 1799 г. в Шаргороде насчитывалось 283 еврейских дома, а также в торговых рядах «лавок каменных 36, малых 38». [Шаргород]. Особенность духовной жизни шаргородских евреев заключалась в том, что в городе, как и во многих местах этого края, стали распространяться мистические течения иудаизма. Здесь были последователи Шаббая Цви (саббатрианство), Якова Франка (франкизм), а особенно – Израэля Баал-Шем Тов или Бешта (хасидизм), который с 1740 г. проживал в Меджибоже, что чуть более 100 км от Шаргорода. Подробно об этом пишет в своем исследовании А. Н. Нагребецкий [Нагребецкий, 2011, с. 39–40; 48–50].

В черте оседлости евреи приписывались к мещанскому сословию и могли заниматься только ремеслом и торговлей. В современном Шаргороде сохранился комплекс застройки конца XVIII–начала XX вв., характерный для еврейского местечка. Как пишет А. Бондаренко, это «одноэтажные глинобитные дома с деревянными крыльцами... Отличительной чертой местечкового дома является высокая четырехскатная чере-

пичная крыша, визуально занимающая больше половины всей постройки» [Бондаренко]. Самым оживленным местом была территория вокруг здания ратуши в Старом городе. Здесь между двумя главными улицами города, располагались торговые ряды, вокруг которых было построено множество небольших лавочек. При въезде в город у моста-плотины через речку Мурашку также стояли лавки, и находилось двухэтажное здание корчмы с галереей-балконом. Большинство сохранившихся домов построено из местного материала – камня-песчаника на первом этаже и деревянного второго. С учетом холмистой местности строились цокольные этажи зданий, имевшие арочные или балочные перекрытия.

Все междуречье между Мурашкой и Колбасной было заселено ремесленниками, которые жили там же, где и работали. Фасадная часть дома имела небольшую лавку по продаже произведенных изделий. По мере роста семьи или создания новой в связи с женитьбой сына с тылу дома пристраивались небольшие комнаты под общей крышей. Со временем проходы между домами сужались, а сами улицы не имели тротуаров и не мостились. Конечно, у такого дома отсутствовал двор, сад или огород. От такой застройки отличались только шинки (питейные заведения) и «заезды» (постоялые дворы). В силу специфики деятельности они имели ворота для заезда и двор для размещения лошадей. В Шаргороде было четыре «заезжих двора».

Отличительной особенностью шаргородских домов в еврейском квартале было наличие в них галерей вдоль уличных фасадов. Сверху они прикрывались сильно выступающей крышей, которая поддерживалась столбами. Перила были деревянными с резным рисунком. Некоторые галереи были застеклены и предназначались для проведения Суккота (праздника Кущей) с имитацией шалаша, крытого камышами.

Жизнь еврейского местечка сильно осложнилась после принятия в мае 1882 г. нормативного акта комитета министров Российской империи «О порядке введения в действие правил о евреях», более известного, как «Временные правила», в которых запрещалось «а) селиться в сельской местности; б) приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресенье и в христианские праздники» [Временные правила]. Шаргородская община «наполнялась еврейскими бедняками, изгнанными из окружающих сел, а также с пятидесятиверстной приграничной поло-

сы» [цит. по: Нагребецкий, с. 71] Корреспондент еврейской «Недельной хроники» ежемесячного журнала «Восход» писал: «ходят теперь по улицам люди голодные, исхудалые с вытянутыми лицами; занятий, работ нигде никаких, а дома семейства их сидят без куска насущного хлеба» [Цит. по Нагребецкий, с. 72–73].

Обнищание еврейского населения Шаргорода к концу XIX–началу XX вв. привело к двум последствиям. Во-первых, возросло налоговое бремя по чиншевому и свечному сборам, недоимки которые приходилось выплачивать из коробочного сбора, что подрывало и без того слабую социальную инфраструктуру общины. Во-вторых, следствием ухудшения экономического положения евреев явилась их эмиграция из черты оседлости, главным образом, в Америку. Поэтому к концу экономического кризиса 1900–1903 гг. еврейского населения Шаргорода составляло только 1011 чел. Пережив кризис и депрессию, экономика России перед первой Перовой войной испытывала подъем, что сказалось и на росте благосостояния еврейских жителей Шаргорода. Численность еврейской общины увеличилась до 5000 чел. «Евреи держали практически все торговые заведения Шаргорода, им принадлежали четыре аптечных и шесть лесных складов, склад сельскохозяйственных машин и орудий, четыре гостиницы, мёдоваренный завод, мельница в Слободе Шаргородской и типография» [Шаргород].

Таким образом, накануне Первой мировой войны евреи продолжали сохранять культурную самобытность еврейского местечка.

Польско-католические традиции в этнокультурном облике Шаргорода

Шаргород возник под непосредственным влиянием польской градостроительной культуры. Замок Яна Замойского, давший начало городу, был сооружен по проекту итальянского зодчего Бернардо Морандо, которые по распоряжению того же великого гетмана построил в стиле итальянского Возрождения город Замостье в Люблинском воеводстве Польши – главную резиденцию Замойских. (ныне охраняется ЮНЕСКО). Шаргородский замок из массивного песчаника имел пять башен, соединенных цитаделью, современную по тем временам артиллерию и контролировал переправы через протекавшие речки, имевшиеся здесь с незапамятных времен. Отдельные фрагменты крепостных стен и башен можно видеть и сейчас, часть каменной кладки

использовалась жителями для строительства доменной и хозяйственных построек.

После Яна Замойского Шаргородом владел его сын Томаш, а потом внучка Иоанна, супруг которой был из шляхетского рода Конецпольских. Затем город переходил как к разным представителям этого рода, так и к князьям Любомирским и шляхтичам Сосновским. При Генрихе Любомирском Шаргород вошел в состав Российской империи, а его сын Ежи продал город своему родственнику Роману Станиславу Сангушко, одному из крупнейших латифундистов Волыни. Последней владелицей Шаргорода стала его внучка Юлия Потоцкая (1854–1921). Описание типичных шляхетских имений Подолье дано в 9-м томе 11-томного издания польского исследователя Романа Афтаназы [Roman Aftanazy].

После присоединения к Российской империи происходило два параллельных процесса: отток польских жителей в Польшу и ассимиляция с малороссами. По переписи 1897 г. в Могилевском уезде Подольской губернии, куда входил Шаргород, насчитывалось 227 672 чел. из общей численности населения этой губернии 3 018 299 чел. [Окончательно... с.13]. В целом в губернии было 262738 католиков (8,7 %) и 262738 православных (78,14 %). [Борзова]. По данным В. М. Кабузана в начале XIX в. в Подольской губернии было только 3 % поляков. При этом «в подавляющей массе к полякам в районе принадлежало дворянство, включая и мелкую шляхту, которая в 30-е годы XIX в. лишилась своих привилегий и была переведена в состав податного населения (составила сословие так называемых граждан и однодворцев западных губерний)» [Кабузан].

Влияние культуры польского шляхетства и традиций католичества на культурный ландшафт Шаргорода претерпело эволюцию, связанную с переходом города от Речи Посполитой к Российской империи. Но ведущей тенденцией являлась идеология и культура сарматизма, восходящая к этногенетическому мифу о происхождении польской шляхты от сарматов. Сарматизм, как идеология превосходства «шляхты над холопами» давно привлекает внимание исследователей [Бухарин, 2011; Тарасов, 2019] Подчиненное положение автохтонного малороссийского населения рассматривалось как естественное, вытекающее из идеи превосходства «службы королю» иным занятиям. По мнению М. В. Лескинен, «идеал шляхтича-сармата в Польше XVI–XVII вв.... существовал в двух ипостасях – рыцаря-воина и

помещика (земянина)» [Лескинен, 1998, с. 261]. Автор подробно анализирует эти два образа сарматского этоса. Обратим внимание лишь на второй, как наиболее типичный для рассматриваемого региона: в Шаргороде он был преобладающим. Лескинен пишет: «главные добродетели шляхтича-земянина определены его жизнью: основным занятием являются выполнение общественного долга (заседание в сеймах и сеймиках) и хозяйственная деятельность. В случае войны он собирает свое ополчение и готов к бою» [Лескинен, 1998, с. 269]. Важно также отметить, что характерной чертой было «неуважение к нешляхтеским занятиям, восприятие труда ремесленников, занятий горожан, торговой деятельности как недостойных и неблагоприятных» [Лескинен, 1998, с. 273].

Такое отношение правящего сословия не способствовало созданию условий для единства региональной идентичности жителей Шаргорода, а наоборот, являлось фактором его раскола. До сих пор на христианском кладбище Шаргорода православных и католиков хоронят в разных его частях, даже если они были супругами.

Осенью 1596 г. в Шаргороде был освящен костел св. Флориана, ставший центром католической общины города. Он закрывался на короткое время лишь в 30-х гг. XX в. и с небольшими перделками сохранился до наших дней (ныне относится к Каменец-Подольскому диоцезу Римско-католической церкви). Исследователь Малаков составил подробное описание костела [Малаков, с. 84]. В начале XVII в. в Подолье появились иезуиты. В 1608 г. они поселились в Каменец-Подольске, и с 1609 г. начали активную миссионерскую деятельность [Пламеницкая, 2005]. В 1636 г. иезуиты приехали в Шаргород, что усилило католическую общину города.

Православная культурная традиция в этнокультурном облике Шаргорода

Место и роль православной культуры в региональной идентичности жителей Шаргорода в рассматриваемый период претерпели значительную эволюцию: из презираемой и гонимой в период Речи Посполитой до официальной и государственно поддерживаемой в период Российской империи. Первоначально православными считали себя в основном малороссийские жители предместий. Именно в Слободе Шаргородской в 1750 г. была построена деревянная церковь Рождества Богородицы. Описание православных храмов Подолья и, отчасти, духовной жизни пра-

вославных христиан оставил профессор Киевской духовной академии Н. И. Петров [Петров, 1891]. Предместья отличались ярко выраженной малороссийской культурой: «характерной особенностью здешних населенных пунктов являются белая хата малороссов, по типу своей постройки совершенно отличная от изб крестьян-великороссов» [Иллюстрированный... 1898, с. 145].

Для православного населения Шаргорода ситуация резко обострилась после Брестской унии 1596 г., когда митрополит Киевский, Галицкий и вся Руси Михаил и часть епископата приняли католическое вероучение и верховенство Римского папы, расколов тем самым Церковь на греко-католиков и православных. Польские короли поддерживали униатов. Так в пригороде Шаргорода селе Калиновка в начале XVII в. греко-католический орден василиан построил Свято-Николаевский мужской монастырь, который в 1747 г. был перенесен в город – прямо напротив костела св. Флориана. Агрессивный характер проповеди и действий униатов на фоне кризиса православной Церкви в католической Польше привели к созданию в Шаргороде в 1628 г. православного братства, открывшего школу для детей по обучению религиозной грамотности. Статья 9 договора России с Польшей 1686 г. («Вечный мир») предусматривала прекращение национально-религиозного притеснения православного населения Польши, но она не была ратифицирована Сеймом, т. к. «правительство Речи Посполитой юридически игнорировало существование Православия» [Апанович, с. 62]. В статье К. О. Апанович приведены многочисленные примеры дискриминационной политики по отношению к православным подданным Речи Посполитой.

После вхождения Подолья в состав Российской империи правительство стало проводить политику по укреплению положения православных в крае. Она осуществлялась в двух направлениях: экономическом (например, увеличение налогов на неправославные религиозные организации) и просветительском, что позволило остановить процесс колонизации малороссов, активно проводившейся Речью Посполитой. По мнению К. Ксенофонтова, «в итоге к 1839 году на всё Правобережье из более чем 4 млн. жителей оставалось только 130 тыс. униатов (в районе 3 % населения). В том же году православная церковь объявила о поглощении остатков униатских церквей и включению всех приходов в со-

став русской церкви» [Ксенофонов].

С присоединением Шаргорода к Российской империи униатский монастырь перешел к православной Церкви и в 1797 г. в нем была открыта духовная семинария, а затем духовное училище. Ее выпускниками в разное время были поэт, переводчик и врач С. В. Руданский (1834–1873) и писатель М. М. Коцюбинский (1864–1913). Училище существовало до 90-х годов XIX в. В 1806–1818 гг. монастырь был окружен каменными стенами. Его описание можно найти в книге А. С. Ивченко [Ивченко]. Обширные сведения о духовной жизни православных верующих Каменец-Подольской епархии, в том числе Шаргороде, содержатся в газете Подольские епархиальные ведомости, издававшейся в 1862–1905 гг. [Архив газеты] и ежемесячном журнале «Православная Подолия», выходившем в 1906–1917 гг. [Архив журнала].

Заключение

Подводя итог можно отметить следующее. В течение всего изучаемого периода Шаргород находился на пересечении геополитических интересов Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества, что явилось одним из факторов, определившим социокультурное своеобразие города. Другим фактором явилась гетерогенная конфессиональная структура населения: здесь проживали иудеи, католики, православные и униаты. В соответствии с Магдебургским правом, в Шаргороде сложилась локальная планировка городской среды в соответствии с территориальным размещением религиозных общин с сакральным доминирующим центром. В 1588 г., через три года после основания, он получил статус местечка, и в штетле стала складываться местечковая еврейская культура. После вхождения Подолия в состав Российской империи город попал в черту еврейской оседлости, что способствовало еще большей закрытости еврейской религиозной общины от внешнего влияния, сплоченности и взаимопомощи ее членов. Христианское влияние на культуру Шаргорода претерпело изменения, связанные с его переходом из Речи Посполитой в Российскую империю. Первоначально польско-католические культурные традиции были доминирующими, их роль усилилась в связи с появлением после 1596 г. униатства. Однако идеология и культура сарматизма, характерная для польского шляхетства, всегда была чужда православным малороссам. Вхождение территории в

Российскую империю изменило статус православной Церкви, усилилась ее просветительская деятельность, возросло влияние на культурную самобытность региона. Вместе с тем следует указать на сохранившуюся локализацию этнокультурных традиций и их слабое взаимопроникновение, что на фоне формирования националистических идей начала XX в. таило угрозу разрушения единого культурно-исторического пространства. Этот тренд будет реализован в недалеком будущем: в годы гражданской войны регион будет охвачен петлюровским националистическим движением.

Библиографический список

1. Апанович К. О. Православие в Речи Посполитой и Османской империи в конце XVI–первой трети XVII вв. // Христианские чтения. 2015, № 6. С. 59–74.
2. Архив газеты Подольские епархиальные ведомости (1862–1905). URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6798/>
3. Архив журнала Православная Подолия. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/9755>
4. Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. 2. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. 863 с.
5. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. Санкт-Петербург : ООО «Питер», 2016. 384 с.
6. Безнюк Д. К. Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира / Материалы круглого стола. Минск : Ковчег, 2014. С. 3–7.
7. Бондаренко А. Шаргород. URL: <https://ukrainaincognita.com/ru/kostely/shargorod> (дата обращения 10.12.2020)
8. Борзова Е. С. Распространение католицизма в губерниях Привисленского и Западного края по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г. // Молодой ученый. 2010. № 11 (22). Т. 2. С. 40–42. URL: <https://moluch.ru/archive/22/2252/> (дата обращения: 02.02.2021).
9. Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша: опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. Пособие для правящих элит лимитрофных государств. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. 944 с.
10. Визначні пам'ятки Вінниччини: Альбом / Вінниц. обл. краєзн. музей; відп. за випуск К. Висоцька. Вінниця, 2011. 220 с.
11. Воловик В. Н. Подолия как узел культурно-цивилизационного рубежа «Европа-Азия» // Географический вестник. 2013, № 3 (36). С. 4–11.

12. Воловик В. Н. Этнокультурные ландшафты местечек Подолья // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 3. № 2. С. 191–207.
13. Временные правила. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/> (дата обращения 10.12.2020)
14. Ивченко А. С. Вся Украина. Киев : Картография, 2005. 655 с.
15. Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западным казенным железным дорогам / сост. П. Н. Андреев. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1898. 594 с.
16. Історія української архітектури / ред. В. Тимофійенка. Київ : Техніка, 2003. 471 с.
17. Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. Москва : Наука, 1992. URL: <https://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan--Narody-Rossii-v-pervoy-pолоvine-XIX-v--Chislennost-i-etnicheskij-sostav/> (дата обращения 10.12.2020)
18. Казакова Г. М. Региональная идентичность, вернакулярный район и российский «низовой регионализм» // Вестник культуры и искусств. 2016, № 4 (48). С. 53–58
19. Ксенофонов К. Религиозный вопрос на Правобережной Украине: борьба за умы и души малороссов в XIX веке. URL: <https://ukraina.ru/history/20190717/1024107523.html> (дата обращения 12.12.2020)
20. Лавочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016, № 1-3. С. 446–453.
21. Лескинен М. В. Национальный идеал поляка в истории: образ шляхтича-сармата // Славянский альманах. 1998. Том 1977. С. 256–280.
22. Малаков Д. В. По Восточному Подолью (от Жмеринки до Могилева-Подольского). Москва : Искусство, 1988. 168 с.
23. Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс-пи. Научно-практический альманах. 2003, № 1(3). С. 101–104.
24. Нагребцкий А. Н. Шаргород – еврейское местечко. Винница : ГП «ГКФ», 2011. 264 с.
25. Обзор Подольской губернии за 1892 год. Каменец-Подольск : Губ. Тип., 1893. 182 с.
26. Окончательно установленное при разборке переписи наличное население империи по уездам / под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 4. Б/м: б/и, 1905. 25 с. URL: <https://istmat.info/node/15771> (дата обращения 12.12.2020)
27. Петров Н. И. Подолия. Историческое описание. Санкт-Петербург : Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1891. 401 с.
28. Пламеницкая О. Сакральна архітектура Кам'янець на Поділлі. Кам'янець-Подільський : Абетка, 2005. 388 с.
29. Подолия // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13253/> (дата обращения 12.12.2020)
30. Розина В. А. Информационные войны в период политической консюмеризации // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer, 2015, № 9. С. 79–86.
31. Стрелецкий В. Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. 2007. № 5. С. 3–13.
32. Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.
33. Тарасов И. М. О происхождении одной позднесредневековой легенды, попавшей в российскую историографию // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 12 (40), декабрь 2019. С. 109–114
34. Шаргород. Винницкая область. URL: <http://myshtetl.org/vinnitskaja/shargorod.html> (дата обращения 12.12.2020)
35. Шнайдер. Е. Шальной штетл Шаргород. URL: <https://ujew.com.ua/shal-noj-shtetl-shargorod> (дата обращения 12.12.2020)
36. Isard W. et al. Ecologic-economic analysis for regional development. New York, 1972. 283 p.
37. Jasienica P. Polska Piastow. Warszawa : Proszynski i S-k, 2007. 396 p
38. Regionale politische Kultur. Stuttgart-Berlin-Koeln-Mainz: Kohlhammer, 1985. 163 p.
39. Roman Aftanazy. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej : w 11 t.. Wroclaw Warszawa. Krakow Zaklad Narodowy imienia Ossolickich Wydawnictwo. 1991. T. 9.

Reference list

1. Apanovich K. O. Pravoslavie v Rechi Pospolitoj i Osmanskoj imperii v konce XVI–pervoj treti XVII vv. = Orthodoxy in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Ottoman Empire in the late 16th – first third of the 17th centuries // Hristianskie chtenija. 2015, № 6. S. 59–74.
2. Arhiv gazety Podol'skie eparhial'nye vedomosti (1862–1905) = Archive of the newspaper Podolsk diocese gazette (1862-1905). URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6798/>
3. Arhiv zhurnala Pravoslavnaja Podolija = Archive of the Orthodox Podolia magazine. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/9755>

4. Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii. Ch. VII. T. 2 = Archive of Southwest Russia. Part VII. V. 2. Kiev : Tip. G.T. Korchak-Novickogo, 1890. 863 s.
5. Bagdasarjan V. Je. Antirossijskie istoricheskie mi-fy = Anti-Russian historical myths. Sankt-Peterburg : OOO «Piter», 2016. 384 s.
6. Beznjuk D. K. Civilizacionnye vojny: nauka, ideologija i jazyk kak oruzhie = Civilization wars: science, ideology, and language as weapons // Istorija i obshhestvenno-gumanitarnye nauki kak instrument civilizacionnoj vojny protiv Russkogo mira / Materialy kruglogo stola. Minsk : Kovcheg, 2014. S. 3–7.
7. Bondarenko A. Shargorod = Shargorod. URL: <https://ukrainaincognita.com/ru/kostely/shargorod> (data obrashhenija 10.12.2020)
8. Borzova E. S. Rasprostranenie katolicizma v gubernijah Privislenskogo i Zapadnogo kraja po materialam Vseobshhej perepisi naselenija 1897 g. = The spread of Catholicism in the provinces of the Vistula and the West territories according to the materials of the General Population Census of 1897 // Molodoj uchenyj. 2010. № 11 (22). T. 2. S. 40–42. URL: <https://moluch.ru/archive/22/2252/> (data obrashhenija: 02.02.2021).
9. Buharin S. N., Rakitjanskij N. M. Rossija i Pol'sha: opyt politiko-psihologicheskogo issledovanija fenomena limitrofizacii. Posobie dlja pravjashhih jelit limitrofnyh gosudarstv = Russia and Poland: political and psychological study of the phenomenon of limi-trophization. Handbook for the ruling elites of limi-trophic states. Moskva : Institut russkoj civilizacii, 2011. 944 s.
10. Vznachni pam'jatki Vinnichchini: Al'bom / Vinnic. obl. kraezn. muzej; vidp. za vipusk K. Visoc'ka. Vinnicja, 2011. 220 s.
11. Volovik V. N. Podol'e kak uzel kul'turno-civilizacionnogo rubezha «Evropa-Azija» = Podolia as a cultural and civilizational border «Europe-Asia» // Geograficheskij vestnik. 2013, № 3 (36). S. 4–11.
12. Volovik V. N. Jetnokul'turnye landshafty mes-techek Podol'ja = Ethno-cultural landscapes of the plac-es in Podolia // Kul'turnaja i humanitarnaja geografija. 2013. T. 3. № 2. S. 191–207.
13. Vremennye pravila = Provisional Rules. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/> (data obrashhenija 10.12.2020)
14. Ivchenko A. S. Vsja Ukraina = All Ukraine. Ki-jev : Kartografija, 2005. 655 s.
15. Illjustrirovannyj putevoditel' po Jugo-Zapadnym kazennym zheleznyim dorogam = Illustrated guidebook on the Southwestern government railroads / sost. P. N. Andreev. Kiev : Tip. S.V. Kul'zhenko, 1898. 594 s.
16. Istorija ukraïnskoi arhitekturi / red. V. Timofienka. Kiïv : Tehnika, 2003. 471 s.
17. Kabuzan V. M. Narody Rossii v pervoj polovine XIX v.: Chislennost' i jetnicheskij sostav = Peoples of Russia in the first half of XIX century: numbers and ethnic structure. Moskva : Nauka, 1992. URL: https://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan-_Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--CHislennost-i-etnicheskij-sostav/ (data obrashhenija 10.12.2020)
18. Kazakova G. M. Regional'naja identichnost', vernakuljarnyj rajon i rossijskij «nizovoj regionalizm» = Regional identity, vernacular district, and Russian «grassroots regionalism» // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2016, № 4 (48). S. 53–58
19. Ksenofontov K. Religioznyj vopros na Pravoberezhnoj Ukraine: bor'ba za umy i dushi mal-orossov v XIX veke = Religious problems in Right-Bank Ukraine: the struggle for the minds and souls of Ukrainians in the 19th century. URL: <https://ukraina.ru/history/20190717/1024107523.html> (data obrashhenija 12.12.2020)
20. Lavochkina N. A. Regional'naja identichnost': ponjatje i sushhnost' = Regional identity: concept and essence // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i funda-mental'nyh issledovanij. 2016, № 1-3. S. 446–453.
21. Leskinen M. V. Nacional'nyj ideal poljaka v is-torii: obraz shljahticha-sarmata = The national ideal of the Pole in history: the image of the Sarmatian noble-man // Slavjanskij al'manah. 1998. Tom 1977. S. 256–280.
22. Malakov D. V. Po Vostochnomu Podol'ju (ot Zhmerinki do Mogileva-Podol'skogo) = Along the East-ern Podolia (from Zhmerinka to Mogilev-Podolsky). Moskva : Iskusstvo, 1988. 168 c.
23. Murzina I. Ja. Regional'naja identichnost' i re-gional'noe samosoznanie = Regional identity and re-gional consciousness // Diskurs-pi. Nauchno-prakticheskij al'manah. 2003, № 1(3). S. 101–104.
24. Nagrebeckij A. N. Shargorod – evrejskoe mes-techko = Shargorod, a Jewish town. Vinnica : GP «GKF», 2011. 264 s.
25. Obzor Podol'skoj gubernii za 1892 god = Over-view of Podolia Province in 1892. Kamenev-Podol'sk : Gub. Tip., 1893. 182 s.
26. Okonchatel'no ustanovlennoe pri razborke perepisi nalichnoe naselenie imperii po uezdnam = Final-ly established by the census population of the empire by provinces / pod red. N. A. Trojnckogo. Vyp. 4. B/m: b/i, 1905. 25 s. URL: <https://istmat.info/node/15771> (data obrashhenija 12.12.2020)
27. Petrov N. I. Podolija. Istoricheskoe opisanie = Podolia. Historical overview. Sankt-Peterburg : Tip. To-varishhestva «Obshhestv. Pol'za», 1891. 401 s.
28. Plamenickaja O. Sakral'na arhitektura Kam'jancja na Podilli. Kam'janec'-Podil'skij : Abetka, 2005. 388 s.

29. Podolija = Podolia // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13253/> (data obrashhenija 12.12.2020)
30. Rozina V. A. Informacionnye vojny v period politicheskoy konsjumerizacii = Information wars in a period of political consumerization // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer, 2015, № 9. S. 79–86.
31. Streleckij V. N. Istoricheskaja geografija i regionalistika: puti i perspektivy vzaimodejstvija = Historical geography and regional studies: ways and prospects of interaction // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2007. № 5. S. 3–13.
32. Streleckij V. N. Kul'turnyj regionalizm: sushhnost' ponjatija, problemy izuchenija i sistema indikatorov = Cultural regionalism: the essence of the concept, problems of studying and the system of indicators // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2012. № 14. S. 9–21.
33. Tarasov I. M. O proishozhdenii odnoj pozdnesrednevekovoj legendy, popavshej v rossijskuju istoriografiju = On the origin of a late medieval legend in Russian historiography // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. № 12 (40), dekabr' 2019. S. 109–114
34. Shargorod. Vinnickaja oblast' = Shargorod. Vinnitsa region. URL: <http://myshtetl.org/vinnitskaja/shargorod.html> (data obrashhenija 12.12.2020)
35. Shnajder. E. Shal'noj shtetl Shargorod = Wild shtetl Shargorod. URL: <https://ujew.com.ua/shal-noj-shtetl-shargorod> (data obrashhenija 12.12.2020)
36. Isard W. et al. Ecologic-economic analysis for regional development. New York, 1972. 283 p.
37. Jasienica P. Polska Piastow. Warszawa : Proszynski i S-k, 2007. 396 r
38. Regionale politische Kultur. Stuttgarg-Berlin-Koeln-Mainz: Kohlhammer, 1985. 163 p.
39. Roman Aftanazy. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczpospolitej : w 11 t.. Wrociaw Warszawa. Krakuw Zakiad Narodowy imienia Ossolisskich Wydawnictwo. 1991. T. 9.